

Научная статья

УДК 159.923.33 + 321.011.1 + 316.648.43 + 316.6:140 + 316.37 + 81'373.49 +
+ 37.013.73 + 165.8

DOI 10.15826/izv1.2024.30.2.041

ЛИЧНОСТНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ: КАК ЗАЩИТИТЬСЯ ОТ МАНИПУЛЯЦИЙ СОЗНАНИЕМ

Юрий Александрович Ермаков

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
Jury.Ermakov@urfu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0943-7391>*

А н н о т а ц и я. В статье раскрываются основания зависимости индивидуального сознания от сознания общественного, такие как отсутствие тождества их содержания, разные объемы и динамика, «молчаливый» характер бытия отдельного индивида, господство в актуальной культуре социальных способов понимания и чувствования реальности, смысловой интерпретации общественных фактов и событий. Утверждается, что сегодня для противостояния агрессии манипуляций сознанием человеку необходимо осваивать технику духовной безопасности, включающую конкретные приемы защиты мыслительной и эмоциональной автономии его личности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: информационная асимметрия; интересубъективность; майевтика; рефрейминг контекста и смысла; имморальный анализ; эвфемизмы; слова-ласки; когнитивный диссонанс

PERSONAL SOVEREIGNTY: HOW TO PROTECT YOURSELF FROM MIND MANIPULATION

Yuri A. Ermakov

*Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia,*

Jury.Ermakov@urfu.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-0943-7391>

Abstract. The article reveals the reasons for the dependence of individual consciousness on social consciousness, lack of identity regarding the content, the “silent” nature of life activity of an individual, the dominance culture of social ways of understanding and feeling reality in the current, and meaningful interpretation of social facts and events. It is argued that today, in order to resist the aggression of consciousness manipulation, a person needs to master the technique of spiritual security, which includes specific techniques to protect the thought and emotional autonomy of his personality.

Key words: information asymmetry; intersubjectivity; maieutic; reframing of context and meaning; immoral analysis; euphemisms; terms of endearment; cognitive dissonance

Самостоянье человека,
Залог величия его.

А. С. Пушкин

Можно ли сегодня полностью избежать манипуляций сознанием? Правильный ответ: нет, нельзя, это невозможно. Во всяком случае, совсем от них уйти не получится. Но тогда неизбежно возникают следующие вопросы: почему так происходит и как противостоять этим манипуляциям? Попробуем в этом разобраться.

Обычно под манипуляциями сознанием, и в целом — человеческой личностью, в теории и на практике подразумевают связанную с изощренной хитростью и коварством, с иллюзиями и медиаобманом тысяч, а то и миллионов людей интеллектуальную деятельность, доступную правящим группам и особо одаренным в этом отношении индивидам [Кара-Мурза]. Речь идет об известных и малоизвестных политиках-популистах, о своекорыстных чинах госаппарата, о медиамагнатах и наделенных макиавеллистскими чертами проходимцах из бизнеса и пропагандистских шоу, а также из сферы популярной культуры и быстротечной моды. И, конечно, о погрязших в хитроумных схемах извлечения барышей менеджерах крупных корпораций, фирм и т. п.

На бытовом уровне в многообразии живых межличностных отношений также подчас господствуют «иллюзионисты» и «маги», успешно манипулирующие духовной сферой близких им людей. И они не так уж редко доводят своих жертв до серьезного лечения у психиатров и психотерапевтов [Саймон]. Словом, манипуляции сознанием считаются по обыкновению неодолимым, пагубным и наносящим ущерб личности человека явлением. Но так ли это на самом деле? Является ли такая их оценка полной и исчерпывающей?

Поначалу следует вспомнить, что способность к манипулированию вещественной средой, окружающей нас, дана *Homo sapiens* изначально. Такие науки, как зоопсихология, этология и антропология, применяют термин «манипуляция» в первую очередь к двигательной активности животных, включая высших приматов. Эта активность природных собратьев направлена на перемещение, комбинирование различных предметов в соответствии с их органическими нуждами, т. е. на элементарное изменение ближайшей вещной среды. Делается это животными, как правило, с помощью передних конечностей и ротового аппарата, а также благодаря их простой орудийной деятельности. Шимпанзе, палкой сбивающая плоды с деревьев или камнем разбивающая скорлупу орехов; бобры, сооружающие себе на реках целые плотины; птицы, искусно строящие себе удобные гнезда на деревьях... Все эти разнообразные манипуляции осуществляются в поисках пропитания и для выращивания потомства, а также в охотничьем промысле хищников и, напротив, при защите от их нападения, в брачных и обучающих играх и т. п. Разумеется, эти рефлекторные манипуляции — еще не трудовая деятельность, однако отчасти определенная ее предтеча, в особенности манипуляции «биологически нейтральными» предметами у высших приматов [Психология, с. 200–201].

Конечно, манипуляции предметами у животных и манипуляции сознанием у человека качественно отличаются друг от друга, хотя и названы одним словом (термином). Однако в первом случае речь идет о двигательной активности животных, использующих в своих нуждах компоненты окружающей среды. Во втором же случае имеется в виду внедрение в сознание человека как объекта манипулятивного воздействия таких психологических элементов — иллюзий, установок, ценностей, стремлений, ложных убежденностей, рационализаций и др., — которые он считает частью своего духовного мира. Однако эти компоненты программируют его сознание, а затем и социально значимое поведение, действуя часто в интересах внешних сил и нередко чуждых (иногда враждебных) ему субъектов манипуляций.

При этом подчеркнем, что выработанная миллионами лет природной эволюции способность к разнообразным и продуктивным манипуляциям предметами окружающей среды стала мощным стимулом для развития познавательных способностей животных, и в особенности их интеллекта. Так, хорошо известно, что когнитивные способности к анализу и синтезу, являющиеся основой развитого человеческого ума, формировались у животных, в частности у приматов, под влиянием миллиарды раз повторявшихся в эволюции операций по разделению, соединению и комбинированию сочетаний разных предметов [Марков]. Эти, ставшие в конце концов алгоритмами операции в итоге и были зафиксированы устойчивыми цепочками нейронов, их генотипическими связями и сетями (аллелями) в структуре головного мозга. Таким образом, в длительной эволюции животных и человека двигательная, «ручная» и одновременно нейропластичная активность сыграла важнейшую роль в развитии интеллектуальных способностей и в становлении сознания, и это повторяется каждый раз при росте и взрослении отдельной особи *Homo sapiens* (соответствие и частичное сочетание фило- и онтогенеза).

Другими словами, наличие интеллекта, хотя и крайне различного по его развитости, объединяет очевидным образом животных и сапиенсов, однако сознание и разум присущи лишь последним. Разумеется, это отдельная и большая тема, но с учетом задач данной статьи скажем следующее.

Истоки возникновения и развития сознания лежат не только в орудийно-предметной, преобразовательной деятельности, хотя, конечно, и в ней тоже, но и в надприродных масштабах коллективной жизни человека. Говоря предельно просто, в отдельной голове особи *Homo sapiens* никакого такого сознания, кроме его нейросетевых и электромагнитных «следов», существующих в бесчисленных «дебрях» физиологического строения мозга, не найдешь. Сознание является, с одной стороны, уникальным продуктом чрезвычайно сложного, разнообразного и текучего социального взаимодействия человеческих индивидов. С другой стороны, индивидуальный субъективный формат сознания обладает определенной бытийной автономией и свободой, порождающей неконформизм взглядов многих людей, их личные творческие достижения и способность идти интеллектуально «против течения» и общественных императивов. Однако в целом в социальном взаимодействии, в рамках больших сверхорганических общностей, исчисляемых тысячами и миллионами людей, сапиенсы могут коммуницировать, сотрудничать и обмениваться речью, знаками и символами, а также товарами и услугами, с совершенно незнакомыми им людьми. Такие масштабы сотрудничества резко отличают их от братьев меньших — других видов высших приматов. Те могут взаимодействовать лишь в сообществах, включающих максимум 100–150 членов, при этом достаточно хорошо им знакомых. Эти предельные числа указывают на масштабы полезной функциональности сообществ приматов, их необходимую эффективность в процессе выживания и естественного отбора [Харари].

Но человек благодаря языку, речи, абстрактному мышлению и воображению может, например виртуально, находиться одновременно в разных местах, сотрудничать параллельно со множеством людей, разнесенных по различным геолокациям в масштабах всей планеты. В этом, в частности, и состоит «гениальность» человеческого сознания. *Homo sapiens* может благодаря своему интеллекту, техникам абстрагирования в нем, научным методам познания проникать в такие тайны, открытие которых невозможно себе даже вообразить в каком-либо образе или в «картинке». К примеру, нельзя воочию представить сингулярную точку зарождения нашей Вселенной (только в математических формулах) или соотносительность в ней пространства, времени и движения (т. е. явление, открытое специальной теорией относительности). Словом, сознание является высочайшим коллективным благом, уникальным общественным достоянием, которое индивид осваивает, утверждает и даже иногда дополняет (если, конечно, удастся) на протяжении своей отдельной и, в исторических масштабах, достаточно короткой жизни.

Но во всеобщности (социетальности) данного продукта человеческой цивилизации и культуры таится и его уязвимость, хрупкость и даже незащитность в конкретном бытии отдельных людей. И так обстоит дело несмотря на индивидуальный квазипространственный формат и своеобразие освоения и пользования

этими людьми данным общественным достоянием. Секрет императивности общественного сознания во влиянии на «головы» отдельных индивидов отражается отчасти в слове «интерсубъективность» (или иногда говорят «надперсональность», «имажинарность» [Иванчук, с. 92]).

Дело в том, что существующие коммуникативные сети, включая интернет, печатные и мультимедийные СМИ, радио, ТВ и другие каналы офлайн- и онлайн-общения, как бы соединяют, связывают и сочленяют субъективные форматы индивидуального сознания людей. Между тем в их воображении живут такие бестелесные и незримые сущности, как, например, бог или права человека, духовные ценности и природные законы, нации и традиции, а также баснословная стоимость естественных богатств и курсы валют. Эти и многие другие «призрачные» феномены образуют и презентуют не только общественные порядки и устройство повседневной жизни граждан. Они действуют еще и в воображении людей на основе совершенно абстрактных представлений о справедливости, правде и солидарности, и даже о красоте, гармонии и совершенстве. Между тем эти удивительные феномены сами по себе никто и никогда воочию не видел, как никто не наблюдал напрямую и отдельно от всего, например, общественные или личные отношения, а также — собственно власть, культуру, государство или политические системы (эйдосы, по Платону, т. е. умопостигаемые сущности вещного мира). Разумеется, эта нематериальность (= идеальность) сознания позволяет индивидам «работать» с репрезентантами реальности — понятиями, идеями, представлениями, анализируя их, воображать и оценивать таким образом саму реальность, прогнозировать ее движение и изменения, проектировать новации в ней. Творческое мышление, рождаемое этим процессом, позволяет индивиду сохранять относительную суверенность своего сознания, его самостоятельность и рационально-критическое отношение к действительности.

Вместе с тем множественность предметно-вещественных и деятельных совокупностей, генерируемых совместно жизнедеятельностью больших масс людей, как и отдельные поступки человеческих индивидов, за которыми эти и тысячи других слов, а также их смысловых значений закреплены, образуют в итоге надперсональные общественные порядки, устойчивые социальные институты, которые предписывают, определяют и структурируют сознание миллионов и миллиардов людей на планете.

Если изменить, например, название всемирной сети закусочных «Макдональдс» на новое — «Вкусно — и точка», то поменяется только лексика, рекламное наименование (бренд), логотип и пр., но не материально-вещественная сеть закусочных в России. Она-то как раз в основном остается прежней. Однако жители нашей страны воспринимают ее уже как российское достояние. Точно также, к примеру, если поменять название «уральский университет» на «евразийский университет», то произойдет некоторая смысловая перестройка в восприятии этого учебного заведения общественным сознанием, связанная с масштабом его деятельности и геолокацией на определенных территориях, но не изменятся здания и сооружения, аудитории и преподавательский состав, спортзалы и столовые

этого университета. Все в основном останется тем же. Словом, и это очень важно, смысловое обновление в обоих наших примерах затрагивает, по существу, только сознание и воображение людей.

Таким образом, когда идеи, слова и смыслы овладевают массами, т. е. становятся надперсональными и «интерсубъективными», пронизывающими и структурирующими общественные отношения, они превращаются в императивную силу, предписывающую индивиду как ему думать, чувствовать и совершать определенные шаги и деяния. В определяющей степени эти конвенциональные общественные представления, укореняясь в человеческих связях и взаимных зависимостях, программируют сознание и линии поведения абсолютного большинства людей.

В чем же коренные предпосылки такой убедительной силы общественного сознания по отношению к его индивидуальному собрату? Разумеется, их множество, но одна из базовых и важнейших — это «молчаливый» характер индивидуального бытия отдельного человека. Дело в том, что оно в основном не имеет своего «авторского» языка, не говорит исключительно само по себе, полностью самостоятельно, своей собственной и оригинальной «речью». Это индивидуальное субъективное бытие усваивает тот язык (русский, китайский, японский, хинди и др.) и те понятия в нем, а также его категории, значения и смыслы, которые функционируют в культуре данного социума. Конечно, актуально функционирующая часть этой культуры помогает индивиду осознать, прояснить в отдельном его разуме складывающийся индивидуальный опыт, более того, придать ему функциональность — способность «работать» на благо самого индивида и его социальной среды. Но вместе с тем каждая автономная субкультура социума укоренившимися в ней способами понимания и чувствования незримо навязывает индивиду специфическую интерпретацию данного индивидуального опыта, его особое истолкование по уже сложившимся социально значимым параметрам.

Короче говоря, общественная система осознания и чувствования действует в духовной сфере индивида как «фильтр»: его эмоции и переживания не смогут стать ясными и отчетливыми, облечься в понятную языковую форму, пока не пройдут через этот «фильтр». А между тем этот «фильтр» осуществляет своеобразную селекцию и отбор элементов опыта в сложившихся в данной культуре способах понимания и чувствования реальности, форматирует содержательное восприятие ее фактов и событий. Стратегическая задача такого общественного истолкования и оценки опыта отдельного индивида — превращение его самого в носителя и актора действующих общественных порядков, нацеливание и фокусировка данного индивида на посильное решение тех животрепещущих задач и проблем, которые стоят перед ним и кормящим его обществом. Разумеется, это превращение не элиминирует тотально свободу сознания и воли отдельной личности, относительная автономия ее субъективности так или иначе сохраняется. Однако конвенциональные представления и установки, обеспечивающие сплочение индивидов, их относительное единомыслие и достижение таким образом успешной устойчивости общества, как правило, доминируют в нем, в процессе его функционирования и изменений.

Вместе с тем всегда, и это следует подчеркнуть особо, в силу общественной разнонаправленной динамики возникают «разрывы» и «расхождения» между сложившимися актуальными отношениями в обществе, с одной стороны, и огромным многообразием индивидуального опыта жизни в нем людей, с другой. Эти несоответствия и противоречия между ними подтверждаются тем очевидным фактом, что индивидуальное в людях сплошь и рядом не может воплотиться в том разнородном общественном концентрате, который представляют собой актуальные социальные отношения, данная культура и коллективное сознание. Индивидуальное не покрывается им, вырывается из-под его контроля, люди конфликтуют и противоборствуют, они часто не могут соединить свои деяния в общих интересах. Кроме того, ритм воспроизводства социальной (экономической) жизни может подчас не совпадать с темпом и особенностями жизни индивидуальной и даже им противоречить. Так, например, современное поточно-конвейерное производство при длительной занятости в нем приводит подчас своих работников к различным профессиональным заболеваниям, к выгоранию и эмоционально-интеллектуальной деградации. Однако осознание пагубности влияния потогонно-однообразных трудовых операций заглушается всеобщим и массовым характером условий работы на конвейере, а также различными бонусами компенсации его вредного воздействия.

Стало быть, «слабость» и уязвимость индивидуального сознания связаны не только с тем обстоятельством, что оно является своеобразным инобытием, духовной микропроекцией объективных общественных отношений и тех смысловых констант, которые закреплены за ними содержанием языка и культуры данного общества. В самом общественном сознании, многослойно «прошивающим» практическую жизнь людей, наряду с объективными представлениями о реальности присутствуют спонтанные игры вымысла и воображения, групповые фантазмы и заблуждения, застарелые иллюзии и привычные мифы. Конечно, многие личности — субъекты, оберегающие свою индивидуальную автономию и когнитивный суверенитет, осознают эти наваждения разума и стараются им противостоять. А вот для практик манипуляции эти феномены сознания и массовой культуры являются большим подспорьем.

Так, знаменитые интеллектуальные «идолы» рода, пещеры, площади и театра, филигранно выделенные в свое время Ф. Беконом [История философии, т. 2], создают одурманивающую предвзятость не только в живом массовом познании, но и в надперсональных, закрепленных в общественных структурах смысловых значениях. И, конечно, эти предрассудки живут и действуют в «сколках» индивидуальных сознаний, сопровождающих жизнедеятельность относительно обособленных индивидов.

Именно эта иллюзорная часть общественного и индивидуального сознания, сопряженная с играми воображения и выдумки, в первую очередь представляет собой сегодня сферу «охотничьего промысла» для авторитарных, да и подчас — что греха таить — демократических правительств. Они стремятся таким образом оказать решающее влияние на умы подданных и граждан, как это делают нередко

и глобальные, международные корпорации, формирующие себе клиентскую базу многочисленных адептов в виде широких потребительских сообществ. Поиск приверженцев в этой сфере присущ в известной степени и деятельности организаций гражданского общества, неправительственных институтов, социальных сетей и интернет-сообществ, стремящихся залучить себе новых сторонников и интересантов и таким образом поднять и институализировать свою общественную значимость, свой авторитет, усилить собственную легитимацию и влияние на умы и сердца граждан.

Превосходство и объемы информации массового сектора общественного сознания растут нынче по экспоненте благодаря всепроникающим в самые отдаленные уголки земного шара интернет-сетям, космической спутниковой связи с прямым выходом на мобильные телефоны, с помощью международных информационных агентств, национальных, региональных и корпоративных СМИ. Эти полчища коммуникативных каналов обеспечивают предельно разветвленную и бесперебойную информационную связь между глобализованным и разношерстным конгломератом сознания на планете и многомиллиардной мозаикой его индивидуальных проекций. Кроме того, эта всемирная паутина коммуникаций постепенно складывается в единую архитектуру невиданно плюрального информационного поля, стихийно обобщающего мириады персональных взглядов и воззрений и спонтанно типологизирующего их до кондиции общих конструкторов и мифологем массового общественного сознания, а то и до «пазлов» коллективного единомыслия. Вот почему факт духовного доминирования и незримого превосходства объемов, содержательной насыщенности и динамики массового общественного сознания над «сколками» сознаний индивидуальных вряд ли сегодня может вызвать большие сомнения.

Эта растущая и очевидная информационная асимметрия вносит в повестку дня критически важную проблему когнитивной защищенности индивидов, духовной безопасности их личности. Ведь «колебания» всемирного информационного поля могут не только ориентировать индивидов по фактам и смыслам конкретных событий и происшествий в мире, но и формировать целые «блоки» взглядов в их мировоззрении, генерировать доминанты мироощущения, а также правила и алгоритмы поведения в повседневной жизни.

Так, например, нынешняя политическая пропаганда, напоминающая подчас хирургическую лоботомию, задает векторы и направленность общественному мнению больших социальных групп и нередко выступает равнодействующим ценностным мерилем их политической и гражданской активности. А это, в свою очередь, чревато не только конструктивными, но и нередко разрушительными последствиями для мирной и благополучной жизни людей в современных обществах.

Другими словами, инфантильному, слепому или некритическому восприятию жизни на основе директив ошибочных и архаичных способов ее видения, понимания и чувствования следует противопоставить систему «сдержек и противовесов» в виде техники и приемов духовной безопасности людей, их здоровой

проницательности в восприятии явлений окружающей действительности. Такое интеллектуальное и душевное «самостоянье» (А. С. Пушкин) является важным слагаемым суверенитета личности, определенной гарантией ее возможности и способности прожить именно свою жизнь, построить ее по собственному, а не вмененному ей внешними силами сценарию. Иначе говоря, быть нормальным, развитым и адекватным человеком.

Вместе с тем сложность и трудоемкость распознавания манипуляций сознанием связаны с их важным и очень коварным свойством: как правило, люди принимают воздействие на них искусных и тайных манипуляций за проявление своих желаний, за выражение собственных чувств, мыслей и решений. В этом фундаментальном факте обнаруживает себя скорее всего чрезвычайно глубокая социальная природа человека, его эволюционная способность выживать в естественной и общественной среде лишь в составе определенных семейных и родовых общностей, под контролем социальных групп своего вида. Вот почему в позитивном своем проявлении манипуляции сознанием (а такие тоже есть) представлены очень широко, например, в семейной жизни, в формировании вмененных обществом стремлений индивидов к воспитанности, образованности и труду, в других духовных практиках и интеллектуальных дискурсах, формирующих и развивающих личность человека в качестве успешно действующего социального существа [Ермаков, 2013].

Также и вполне приемлемая нейтральность манипуляций действует сегодня, например, через влияние на потребительские пристрастия и покупательское поведение граждан. Современный нейромаркетинг обеспечивает, например, женщинам при выборе тех или иных покупок мысленный перебор своих идеальных «я» — роковой красавицы или образцовой бизнесвумен, идеальной домохозяйки или спортивной и обаятельной леди и, конечно, любящей жены и матери. Таким образом, поход по магазинам превращается подчас в повседневный гедонизм и убаживание своих многочисленных и воображаемых «я», на которых направлены уловки хитроумных спецов маркетинга. А вот сезонные распродажи по сниженным ценам коррелируют, например, в игре потребительского воображения с веселым карнавальным шествием по нарядным коридорам торгово-развлекательных центров. Идея же чудесного ансамбля привлекательной целостности в облике покупателя неожиданным образом проявляется у него в желании докупить к одной правильной вещи множество красивых аксессуаров. Так, благодаря продуманным имиджевым манипуляциям мегамоллы превращаются в модель эйфорического мира, предлагающего своим адептам иллюзии праздника свободы выбора, обладания высоким общественным статусом, реализации своих самых сокровенных потребительских желаний.

Эта сравнительно безобидная игра воображения и шопинг-выдумки в других сферах жизни и деятельности человека, к сожалению, чреватые его удручающим самообманом, досадными наваждениями временной «слепоты» в понимании реальности. «Тьмы низких истин мне дороже / Нас возвышающий обман...» — писал в свое время А. С. Пушкин [Пушкин, с. 189]. Он подметил в этом

высказывании фактически изначальную, подчас чрезвычайную уязвимость индивидуального сознания со стороны общественных иллюзий и искажающих сознание коллективных тщеславных вымыслов. Современный человек должен не просто помнить об этом, но и прилагать немалые усилия по выработке здравого-мыслящего и объективного взгляда на мир и, конечно, адекватного понимания действующих в нем людей.

Врачи, например, могут только лечить наши болезни, но о своем полноценном здоровье и его резервах человек вынужден позаботиться прежде всего сам. То же самое следует сказать и о здоровом понимании окружающего мира, поскольку хрупкость и подвластность нашего сознания социуму, заблуждениям и предрассудкам общества требует осмысленной его защиты и усилий по упрочению объективности и здравомыслия во взглядах на окружающее. Стало быть, здоровый и полноценный взгляд на действительность — большая жизненная сверхзадача каждого индивида, поскольку ее решение позволяет гораздо лучше и продуктивнее выстроить свою жизнь и осуществлять полнокровное бытие в данном обществе.

Эта сверхзадача предполагает развитие критического мышления и аналитических способностей человека, укоренения в нем стремления «подвергать сомнению» циркулирующие в половодье массовой информации нарративы и толкования конкретных событий и фактов. Так, например, в СМИ, в интернет-пропаганде и рекламе широко применяется такая достаточно известная техника воздействия на умы и души граждан, как «блистательная неопределенность», или, другое ее название, «сияющее обобщение» [Doob, p. 255–293]. Это многочисленные и развернутые утверждения и сюжеты, наделяющие конкретные объекты, социальные группы или массовые события обобщающим, предельно абстрактным значением, причем очень часто таким родовым именем, которое имеет позитивный и впечатляющий эмоциональный заряд. Эти «сияющие» наименования и характеристики объектов сопряжены, как правило, с высокими словами: «цивилизация», «культура», «созидательный труд», «пламенная любовь», «отечество», «права человека», «всевышний», «гуманизм», «духовность», «творчество», «добро» и т. п. В сочетании с патетикой и положительными чувствами они как бы «зажигают зеленый свет» на пропуск в индивидуальное сознание аудитории реципиентов. В свою очередь, это проникновение дает определенную власть над их духовной сферой, поскольку становится частью сознания воспринимающих.

Злободневный пример на эту тему: некоторые СМИ из недружественных стран утверждают на все лады, что наша страна из-за советского прошлого и нынешней государственной политики вышла из состава «мировой цивилизации» и уклоняется от «магистрального пути развития человечества». Этот достаточно влиятельный нарратив в зарубежной контрпропаганде построен фактически на подспудной логической ошибке — неправомерном расширении понятия «западная цивилизация» до масштабов «мировой». Между тем даже западной исторической науке хорошо известны суверенные цивилизации Китая, Японии, Индонезии, стран африканского континента и Латинской Америки (можно вспомнить цивилизации

ацтеков и инков), которые по многим своим параметрам не вписываются в специфику развития Европы и Северной Америки.

Так что данное «сияющее обобщение» создает нередко очередной пропагандистский мираж, неявным образом отвергающий не только особенности и ценность собственного национально-культурного опыта России, но и ее исторические цивилизационные достижения.

Можно привести более привычный и тривиальный пример влиятельных абстракций, когда предприятия или организации с целью привлечения новых кадров дают в СМИ рекламную информацию о высокой средней зарплате работников. При этом в цифрах средней зарплаты они лукаво объединяют доходы управленческого топ-персонала и рядовых сотрудников. И если директор на данном предприятии получает в месяц миллион рублей, а рядовой работник — 20 тыс., то, естественно, средняя зарплата получается 510 тыс. руб. Между тем этот усредненный мираж из цифр растворяет кричащее неравенство в доходах работников и таким образом разделенный, скорее всего, социально напряженный коллектив предприятия выдает за вполне благополучный.

Вот почему сегодня в восприятии важной информации необходим критический взгляд и аналитические навыки, позволяющие сквозь пелену словесных абстракций пробиваться к конкретике фактов и событий, к их причинно-следственным связям между собой и с окружающей средой. Начальным шагом в этом интеллектуальном движении следует признать умение задавать себе уточняющие, все более конкретные и детальные вопросы, научиться вести таким образом внутренний диалог, чтобы в конечном счете дойти до «вопросов самых последних» (Ф. Достоевский), т. е. до истока и корня животрепещущих проблем. Этот важный навык задавать умелые вопросы и вступать в коммуникацию (в том числе с самим собой) переводит нас из роли внимающих потребителей чужих идей и информации в качественно иной статус — равноправных участников общения. Уместно вспомнить при этом, что еще более 2,5 тыс. лет назад философ Сократ в своих уличных диалогах учил греков майевтике — мастерству вопрошания, т. е. умению задавать такие уточняющие и конкретные вопросы, которые, выявляя непримиримые противоречия в утверждениях спорящих, неумолимо ведут их к познанию истинного положения дел. В майевтике, или, как он считал, в своеобразном повивальном искусстве «родовспоможения души», философ развивал умение не только диагностировать лживости и фантазмы, но и отделять их от реальных вещей и явлений [История философии, т. 1]. Майевтику иногда называют «сократовским диалогом», который из разряда элитарных компетенций ученых и дипломатов переходит сегодня в категорию необходимых повседневных навыков, позволяющих гражданам устранять заблуждения и ошибочность в понимании реальности.

Другой актуальный навык в противодействии манипуляциям — так называемый рефрейминг, позволяющий воспринимающему информацию человеку изменять контекстуальное и смысловое понимание тех или иных явлений [Психотерапевтическая энциклопедия].

Так, если фрейм считается ценностно-смысловой рамкой восприятия фактов и событий, то рефрейминг предполагает наложение на них новой рамки значений, которая вводит альтернативные точки зрения, иную логику тех или иных реальных процессов и деяний людей. Манипуляторы очень часто, применяя, к примеру, популярный прием «трансфера», подталкивают аудиторию к механическому ассоциативному переносу качеств и свойств одних предметов, фрагментов реальности или людей на разнородные им другие объекты [Ермаков, 2020].

Например, если опытный политик появляется в период выборов перед избирателями в окружении любимцев публики — звезд эстрады, спорта, театра или моды, то в таком ярком обрамлении он может повысить свои шансы быть снова избранным благодаря популярности сопровождающих его селебрити.

Однако если поместить этого политика на основе достоверной информации и фактов в контекст, например, криминальных «авторитетов» из 90-х гг., то его шансы на избрание могут упасть до нуля. Умение искать альтернативные контексты и критические интерпретации фактов и событий, преодолевающие «единственно возможное» туннельное их восприятие, навязываемое, как правило, манипулятором, является очень важным в упрочении самостоятельности нашего мышления, его неподвластности хитроумным козням макиавеллистов.

Кроме того, тот или иной контекст, разные истолкования событий обычно задают определенный эмоциональный окрас их восприятию и пониманию. Поэтому другой расхожий прием манипулирования — так называемое «наклеивание ярлыков» нацелен на усиление экспрессии эмоциональных реакций, возникающих в сознании реципиента в связи с описанием тех или иных событий, их действующих лиц. Умело «наклеенный» коммуникатором ярлык, раскачивая чувства воспринимающих, фактически замещает у них необходимость рационального анализа фактов и размышлений над их сутью готовой экспрессивной оценкой, исподволь индуцированной в их сознание.

Длительное время, например, ярлык «красно-коричневых», навешанный в начале 90-х гг. на членов компартии РФ, содействовал устранению этой партии в качестве монопольно правящей силы в нашей стране и ее маргинализации в политическом процессе. И только десятки лет многотрудных усилий и законодательных инициатив по улучшению жизни людей труда позволили коммунистам вновь стать влиятельной политической партией в парламентах страны и в органах исполнительной власти.

Защититься от агрессивного влияния «ярлыков» можно, конечно, бесстрашностью — достаточно трудным для большинства людей усилием «отключения» эмоций и чувств при рассмотрении каких-либо фактов и событий, стремлением перейти к их объективному анализу. Чтобы это все-таки сделать, следует не забывать, что наиболее сильные и импульсивные эмоции в повседневной жизни людей сопряжены с нравственной сферой и моральными оценками, универсально регулирующими человеческие отношения. Вот почему предлагаемые коммуникаторами-манипуляторами жизненные ситуации можно мысленно проигрывать, как это не покажется на первый взгляд циничным, вне этического контекста. Именно

это часто делают экономисты (рыночная экономика в подавляющей своей части неморальна) или военные, рассматривая лишь краткосрочную или долгосрочную эффективность действий боевых подразделений. Такой immoralный анализ происходящего вполне может выявить и показать оправданность и адекватность наших чувств, вызываемых тем или иным агрессивно-экспрессивным ярлыком.

При этом совершенно нелишне помнить, что люди в значительной мере зависят от слов, которые они используют в своей коммуникации. А иногда даже они являются, без преувеличения, рабами слов, полностью зависимыми от языковой «оболочки», презентующей в их сознании реальные факты и процессы. Вот почему слова, употребляемые в наших бесчисленных актах общения, являются также инструментами манипулирования сознанием. Ведь не случайно Ф. Бекон, рассматривая познавательные возможности речевых взаимодействий, говорил о «призраках рынка», порождаемых коммуникацией между людьми. В них большую роль играет неправильное словоупотребление, софизмы, искажающие восприятие и понимание человеком реальности [История философии, т. 2].

В связи с этим следует упомянуть такой показательный языковой феномен, как эвфемизмы, «лукавство» которых заключается во вполне приемлемой на первый взгляд «лакировке» реальности. Делается такое «улучшение» восприятия с помощью коннотаций — дополнительных значений слов или словосочетаний, позволяющих, например, кровавую войну называть более нейтрально — «столкновением противоборствующих сил», бомбардировки больниц, школ, торговоразвлекательных центров именовать «ударами по стратегическим объектам», а, например, размещение возле крупных городов огромных мусорных полигонов для хранения токсичных отходов называть «экологическим кластерами», дающими, между прочим, благодаря и такому языковому «лукавству» баснословные барыши их владельцам.

Изохренные и незримые манипуляции пронизывают еще одно языковое явление — слова-ласки [Хайек]. Они названы так по имени животного грызуна, которое, питаясь птичьими яйцами, высасывает их так, что внешне они остаются целыми и невредимыми. Хотя на самом деле после столь изохренного гастрономического акта яйцо остается совершенно пустым. Например, такие словосочетания, как «отрицательный экономический рост», «пролетарская демократия», «социалистическая собственность», так же, как и многие другие, содержат слова-ласки. В этих примерах слово «отрицательный» выхолащивает привычное значение из слова «рост» (увеличение чего-либо), а слова «пролетарская» и «социалистическая» растворяют общепринятые смысловые значения в понятиях демократии («народовластие») и собственности (то, что имеет конкретного владельца). Так, из достаточно четких понятий словами, выполняющими функцию «ласки», ликвидируется их общепринятое смысловое содержание, в результате они становятся не только пустыми, но и в то же время задействуют иллюзорное воображение реципиентов в восприятии конкретных объектов. Чтобы избежать этого, нужно наработать прочный навык вникать и вдумываться в смысл и значение употребляемых слов в общении. И если сочетание их подлинных значений

и устойчивых в них коннотаций вызывает в восприятии когнитивный диссонанс, то такой сигнал в наше сознание является поводом задуматься над обоснованностью и правомерностью их использования в коммуникации.

Сделаем некоторые выводы. Наше сознание имеет, в сущности, глубочайшую социальную природу, оно является, без преувеличения, уникальным и вечно создаваемым продуктом длительного эволюционного сотрудничества больших масс людей. Вместе с тем отдельные индивиды через язык, человеческие отношения и коллективный труд, благодаря своему жизненному опыту и интеллектуальным способностям, осваивают в индивидуальном субъективном формате это общественное достояние. Больше того, в силу творчески преобразующего характера самого сознания, а не простого механического копирования им окружающего мира, они обретают подчас способность внести в него и некоторые новые элементы, например, новые слова или научные открытия, новые смыслы или новые названия приемов и технологий овладения человеком окружающей действительностью.

Однако, несмотря на определенную автономию, индивидуальное сознание в своем содержании в силу информационной асимметрии и интерсубъективности подвластно социуму, его смысловым и знаковым константам, универсально пронизывающим все аспекты коллективной жизнедеятельности людей. Об этой непреходящей зависимости собственных представлений и взглядов от доминирующих в обществе конвенциональных представлений («единомыслия») и о влиятельности «мыслящего конформизма», действующего в качестве адаптирующих к жизни общества реакций, индивиду лучше, конечно, не забывать. И в то же время, обладая своим неповторимым жизненным опытом, особыми способностями и субъективностью, индивид может в определенной степени уклониться от принудительного управления его чувствами, желаниями и умозаключениями со стороны данного общества. Этому способствует, в частности, выработанный своими усилиями и качественным образованием объективный, критический и здравомыслящий взгляд, подвергающий подчас сомнению общественные представления и духовные стандарты практического обустройства повседневной жизни. В аналитическом мышлении и рефлексивном чувствовании важным навыком является также «внутренний диалог», который становится повседневной привычкой задавать себе по существу дела уточняющие и все более конкретные вопросы и давать на них по возможности честный и объективный ответ (искусство майевтики).

В ситуациях формирования важных личных взглядов и взвешенных жизненных решений необходимы и навыки рефрейминга — развития когнитивной способности менять содержательный и смысловой контекст своих восприятий фактов и событий действительности. Проще говоря, соотносить их с альтернативными взглядами и противоположными точками зрения, а также с перечнем других возможных решений.

В общественном сознании, как правило, над его интеллектуальной частью доминируют коллективные чувства и эмоции, на которые воздействуют разного рода махинаторы-манипуляторы, и преодолевать эту экспрессивность сознания

можно с помощью навыка беспристрастности — стремления к «отключению» своих эмоциональных импульсов из рассмотрения важных жизненных проблем. Ну и, конечно, при взаимодействии с другими людьми не следует забывать о подлинном значении тех или иных слов, а также их различных противоречивых сочетаний, которые создают в нашем сознании языковое оформление и презентацию текучей и разношерстной реальности. Следование этим правилам, думается, способно усилить наши возможности избегать заблуждений и иллюзий, порождаемых манипуляциями сознанием.

Ермаков Ю. А. «Мягкая сила» социально-политических манипуляций человеком // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 4 (119). С. 215–225.

Ермаков Ю. А. Манипуляции сознанием в политической пропаганде // СМИ в политическом процессе. Екатеринбург, 2020. С. 42–62.

Иванчук Н. В. Технологии зла в манипуляторской деятельности. Екатеринбург, 2005.

История философии / под ред. Г. Ф. Александрова и др. : в 2 т. М., 1941.

Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. Век XXI. М., 2015.

Марков А. Эволюция человека. Кн. 2 : Обезьяны, нейроны и душа. М., 2013.

Психология : словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М., 1990.

Психотерапевтическая энциклопедия / под ред. Б. Д. Карвасарского. СПб., 1998.

Пушкин А. С. Герой // Полн. собр. соч. Л., 1977, Т. 3. С. 187–189.

Саймон Дж. Манипулятор в овечьей шкуре. М., 2018.

Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. М., 1992.

Харапи Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества. М, 2019.

Doob L. W. Public Opinion and Propaganda. Hamden, Connecticut, 1966.

Статья поступила в редакцию 26.10.2023 г.